

УДК 165.1

DOI:
10.15372/PS20190107

В.И. Силантьев

СОЗНАНИЕ С ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЧАСТЬ I

В статье рассматриваются мозг, сознание и бессознательное как аспекты целостной познавательной деятельности разума. Утверждается, что сознание не может быть сведено к мозгу или бессознательному. В то же время феноменальный опыт не может существовать без мозговой активности, а также без неосознаваемых когнитивных операций. Рассматривается влияние сознания на мозг и на бессознательное. Формулируется и обосновывается тезис о том, что сознание может быть описано в теоретических терминах (в противоположность эмпирическим и/или наивным терминам) без обращения к процессам, происходящим за его пределами. Выдвигается предположение, что феноменальный опыт, являясь одним из ключевых свойств развитых форм жизни, оказал большое влияние на их эволюционное развитие.

Ключевые слова: сознание; проблема «разум-разум»; «трудная проблема»; «китайская комната»; теоретическое описание сознания

V.I. Silantyeu

CONSCIOUSNESS FROM THE ECOLOGICAL PERSPECTIVE Part I

The article considers the brain, consciousness and the unconscious as different aspects of the whole cognitive activity of the mind. We assert that it is impossible to reduce consciousness to the brain or to the unconscious. At the same time, phenomenal experience cannot exist without brain activity and unconscious cognitive operations. The paper considers the effect of consciousness on the brain and the unconscious. The thesis is stated and proved that one can describe consciousness through theoretical concepts (as opposed to empirical and/or naive ones) without recourse to external processes. It is assumed that phenomenal experience as one of the key properties of highly organized life forms greatly influenced their evolutionary development.

Keywords: consciousness; mind-mind problem; hard problem of consciousness; Chinese room; theoretical description of consciousness

Введение. Такая разная философия сознания

Если бы нашу планету посетили марсиане и прочитали популярные научные работы из каждой области человеческой деятельности, то они, вероятно, сочли бы, что одной из наиболее разработанных областей знания, добытого на Земле, является философия сознания. Ведь едва ли найдется другое поле, где авторы излагают свои аргументы и опровергают доводы оппонентов с такой уверенностью и таким спокойствием. Сторонний наблюдатель, наверное, и не подумал бы о том, что в философии сознания могут существовать какие-либо трудности¹.

Так, одни авторы (см., например, [5]) полагают, что сознание действительно существует, что проблема «сознание – тело» иллюзорна и порождена традицией, которую необходимо отбросить. Как будто отказ от традиции (в частности, от Декарта) решил бы те проблемы, которые и привели к ее возникновению. Согласно другим авторам (см., например, [10]) психофизическая проблема также является иллюзорной. Но при этом иллюзорным оказывается и само сознание и нам лишь кажется, что оно у нас есть². Третьи предлагают относить феноменальный опыт к фундаментальным свойствам Вселенной лишь на том основании, что никаким другим способом его возникновение не объяснить [8; и др.]. Четвертые [9] как бы на контрасте отводят феноменальному опыту роль иллюзии, порожденной народной психологией, не замечая или стараясь не замечать того, что эта «иллюзия», по всей видимости, существовала на Земле задолго до появления человечества [9; и др.]. Пятые, признавая очевидный факт существования сознания, фактически сводят его к чему-то другому, полагая, что они тем самым выходят на теоретический уровень его описания [2; и др.]. И так далее. Каким же образом получается так, что существует множество подчас противоречащих

---

¹ Конечно же, при чтении все новых и новых текстов марсиане неизбежно встречали бы взгляды, абсолютно противоположные друг другу. Но та уверенность, с которой здесь высказывается *каждая* позиция, навела бы пришельцев на мысль о том, что на Земле существует несколько фундаментально отличных друг от друга сознаний и, соответственно, несколько не пересекающихся друг с другом философий сознания, каждая из которых успешно изучает свой объект.

² Как может кому-то показаться, что у него есть сознание? Если человек находится в сознании, ему может показаться все, что угодно. Однако вне какого-либо феноменального опыта, т.е. тому, кто находится в глубоком сне, в обмороке, мертв или еще не зачат, ничего показаться не может.

друг другу точек зрения на природу феноменального опыта? По всей видимости, мы упускаем из виду нечто важное.

Когда пытаешься разобраться в некоторых современных философских концепциях сознания, складывается впечатление, что авторами подчас движет не классический исследовательский мотив, исторически и по существу роднящий философию с наукой и этим отличающий их от религии или искусства, а мотив создания подчеркнуто необычной картины, напоминающей скорее полотно, написанное художником, нежели концепцию, созданную исследователем. Не этим ли, в частности, объясняется обилие мысленных экспериментов, приводимых к месту и не к месту и ставших для многих чуть ли не основным способом аргументации? Философы настолько загромождали свое рабочее поле всевозможными вариациями на тему «представим себе такой мир, что...» или «представим себе такие мозги, что...», а также многоэтажной контраргументацией в виде «ваш мир не представим, так как...» или «ваш контрмир не представим потому-то и потому-то, и поэтому наш мир все-таки представим», что это начинает напоминать средневековые схоластические дебаты.

Представляется, однако, что при теоретическом осмыслении сознания эффективнее было бы не пытаться еще более преумножить и без того избыточный корпус воображаемого «знания», а сосредоточиться на знании, уже существующем и добытом в разных дисциплинах, не подменяя тем самым исследовательский дух философии мотивом написания оригинального полотна.

Основной задачей данной статьи является анализ некоторых концепций и эмпирических данных, с тем чтобы сделать предварительное обобщение ряда достаточно близких идей, высказанных авторами, представляющими разные области. Что касается введения новых терминов или изобретения новых мысленных экспериментов, то эта линия здесь намеренно обходится стороной.

Несмотря на то что в названии статьи обозначен экологический взгляд как направление, возникшее независимо в разных дисциплинах, первая ее часть будет посвящена ряду центральных вопросов современной философии сознания, с тем чтобы в дальнейшем они могли быть надлежащим образом включены в более широкую, экологическую перспективу. Прежде чем перейти к рассмотрению сознания с экологической точки зрения, нам потребуется собрать (переосмыслить) несколько моментов.

**Момент 1. Сознание и бессознательное: «mind-mind problem»,
или как «легкая проблема»
оказывается важнее «трудной проблемы»**

«Трудная проблема сознания», сформулированная Д. Чалмерсом, наглядно иллюстрирует специфику феноменального опыта. И в качестве демонстрации одного из ключевых вопросов онтологии ментального (знаменитое чалмерсовское «почему не в темноте?») она является ценным приобретением философии сознания.

Однако эта же формулировка, если смотреть через нее на онтологию сознания и разумной деятельности в целом, может ввести в заблуждение. С одной стороны, жесткое онтологическое разделение феноменального опыта (предмета «трудной проблемы») и неосознаваемых когнитивных процессов (как предметов множества «легких проблем») кажется вполне естественным. Ведь существуют такие непохожие друг на друга сознание и мир. Естественным в связи с этим представляется сравнивать сознание со всей остальной Вселенной, включая неосознаваемый ментальный мир самого субъекта. Таким образом, создается впечатление, что данная формулировка, проблематизируя отношения сознания с мозгом, когнитивными и поведенческими автоматизмами и др., является надежным маяком посреди туманной онтологии феноменального опыта.

И тем не менее формулировка «трудной проблемы» мало что дает нам в плане изучения того, что же такое сознание. С одной стороны, в рамках этого достаточно радикального обособления феноменального опыта мы задаем своему познанию слишком большой масштаб, не позволяющий разглядеть ключевые детали. Т. Нагель совершенно справедливо отмечает, что даже если сознание и является физическим процессом, это ничего не говорит нам о том, как оно работает [12].

С другой стороны, и этот пункт представляется особенно важным, «поведение» сознания (логика, в соответствии с которой мы осознаем этот мир, порядок возникновения феноменального опыта) очевидным образом связано с другими, неосознаваемыми, аспектами деятельности разума. Семантическая организация памяти, речевая деятельность, доязыковые перцептивные преобразования, поведенческие автоматизмы и т.д., – привычный нам феноме-

нальный опыт был бы попросту невозможен без всего этого³. И дело вовсе не в том, что эти и другие неосознаваемые аспекты разумной деятельности являются условиями возможности существования феноменального опыта⁴, а в том, что вместе с феноменальным опытом они образуют нечто целостное – разумную деятельность. Даже если бы идеальная физика будущего выявила все основания сознания среди взаимодействия элементарных частиц, струн или чего-то еще более невообразимого, объяснение феноменов внутреннего опыта через понятия ментальных (а не физических) процессов оказалось бы в миллионы раз компактнее просто потому, что в театре бытия сознание и когнитивное бессознательное сидят на соседних местах⁵.

Перспективными в этой связи с этим представляются концепции, описывающие сознание в контексте ментального, не связывая его напрямую с мозгом, языком, поведением и т.д. Экспериментальным изучением правил, в соответствии с которыми мы осознаем мир, занимаются, в частности, исследовательские группы В.М. Аллахвердова и А.Ю. Агафонова. На множестве примеров они показывают, как много работы продельывает наш разум еще до того, как мы начинаем что-либо осознавать.

В философии сознания схожих взглядов придерживается Р. Джакендофф, сформулировавший так называемую «mind-mind problem» [11, р. 20]. Согласно этому автору, вместо одного, традиционного вопроса о соотношении феноменального опыта и мозга мы в действительности имеем дело с тремя вопросами. Сфера ментального в этой схеме дополняется «вычислительным разумом» – неосознаваемыми когнитивными процессами. То есть возникают следующие вопросы:

---

³ Привычный *нам*, т.е., человеческий, феноменальный опыт, поскольку среди прочих неосознаваемых ментальных процессов упоминается речевая деятельность. Очевидно тем не менее, что животные, лишенные языка, также обладают феноменальным опытом. Представляется крайне важным учитывать это и ни в коем случае не замыкать ментальное на человеке, если мы хотим понять, что такое разум в целом и сознание в частности.

⁴ Мозг тоже является таким условием и тем не менее отстоит от сознания несколько дальше, поскольку не осуществляет семантические преобразования, но об этом см. ниже.

⁵ Поэтому Д. Чалмерс допускает серьезную ошибку, утверждая, что наука о сознании находится ближе к физике, нежели к биологии [8]. Биология скорее сидит через пару мест, в то время как физика – через несколько рядов.

а) как мозг порождает феноменальный опыт? (Феноменологическая психофизическая проблема, классический вариант, идущий от Декарта);

б) как мозг осуществляет когнитивные операции? (Вычислительная психофизическая проблема);

в) как соотносятся между собой вычислительные состояния и феноменальный опыт? (проблема «разум-разум»).

Сравним «трудную проблему» с проблемой «разум – разум». С одной стороны, они очень напоминают друг друга. Основной вопрос Чалмерса звучит так: почему осуществление когнитивных функций сопровождается опытом?. Это звучит так же, как и вопрос о соотношении сознания и вычислительного разума в терминологии Джакендоффа. Однако различия становятся заметны, если посмотреть на те решения, которые предлагают названные авторы. Чалмерс приходит к выводу, что сознание в том или ином виде должно быть присуще самой Вселенной, в то время как Джакендофф стремится показать, что феноменальный опыт в некотором смысле вырастает («проецируется») из вычислительных когнитивных операций, т.е. что сознание – это вычислительный разум, ставший по тем или иным причинам осознаваемым.

Безотносительно к тому, насколько убедительным видится решение проблемы «разум – разум» Джакендоффом, само рассмотрение феноменального опыта в ближайшем к нему ментальном контексте представляется более оправданным, нежели приписывание свойства феноменальности самой Вселенной. Так и получается, что решение проблемы «разум – разум», одной из проблем «легких», оказывается в конечном счете важнее решения «трудной проблемы». Поскольку первое приближает нас к пониманию того, что такое сознание, тогда как второе отдаляет от этого понимания.

В чем прав и в чем ошибается Дж. Серл, говоря о семантике и бессознательном

Рассмотренная выше погруженность сознания в более широкий ментальный контекст является недостаточной для его теоретического описания. Допустим, мы убедились в том, что существует неразрывная онтологическая связь между сознанием и неосознаваемыми когнитивными процессами. Но в таком виде схема все-таки

остается неполной, поскольку разум все еще плывет по океану бытия в наглухо закупоренной бутылке. Ведь он должен откуда-то брать значения, которыми оперирует сознание (с опорой на бессознательное) в своей повседневной работе.

Здесь мы подходим к очень важному вопросу, являющемуся своего рода камнем преткновения в философии сознания. Вопрос этот звучит так: *может ли семантическая обработка информации осуществляться без участия сознания?* Согласно сторонникам так называемой «сильной версии искусственного интеллекта» или «компьютерным функционалистам» [6], компьютер может осуществлять осмысленное поведение и понимать происходящее вокруг него точно так же, как это делаем мы. Как правило, здесь принимается тезис о том, что феноменальный опыт может быть исчерпывающим образом описан с позиции от третьего лица. Иными словами, компьютерный функционализм стоит на позиции семантического экстернализма, в соответствии с которым за нашими (якобы) личными смыслами стоят вполне объективные факторы: язык, культура, нормы поведения в социуме и т.д. Сторонники семантического экстернализма, как правило, стремятся опровергнуть аргумент «китайская комната», предложенный Дж. Серлом. И наоборот, те, кто считает, что феноменальный опыт не может быть сведен к внешним по отношению к нему основаниям, настаивают на том, что сознание и семантическая обработка информации непосредственно связаны между собой⁶. Они, как правило, поддерживают этот аргумент.

Здесь, как мне кажется, возникает досадное недоразумение, явившееся причиной бесчисленных споров между двумя лагерями. Серл утверждает, что формальные системы наподобие программы, которую реализует компьютер, не могут обладать семантикой. Они оперируют лишь синтаксисом, т.е. единицами, ноликами и правилами, определяющими их последовательности. Семантика же, по мысли философа, невозможна вне наблюдателя и интенциональности, присущей его сознанию. Оппоненты Серла, напротив, стремятся показать, что между нашим разумом и разумом, которым обла-

---

⁶ Вероятно, именно по этой причине Серл рассматривает бессознательное как нечто то ли существующее, то ли не существующее. Автор описывает его как те нейрофизиологические процессы в мозге, которые причинно обуславливают сознание [5, с.162]. В итоге получается что-то вроде эпифеноменализма по отношению к бессознательному: мозг, сознание и бессознательное существуют. Но последнее существует скорее как некий временный эффект при порождении сознания мозгом.

дают сложные функциональные системы, не существует принципиальных различий, что интенциональность сознания не является чем-то вроде нашего онтологического ноу-хау и что она может быть приписана разнообразным живым и неживым системам [10]. Недоразумение, однако же, состоит в том, что между этими точками зрения в действительности нет противоречия. Формальные системы могут обладать семантикой и при этом не обладать сознанием. Все дело в том, что сознанием обладает человек, создающий эти системы и вкладывающий в них значения.

Напомню известную формулировку, предложенную Серлом применительно к онтологии ментального. «Характер эпистемологии от третьего лица, – пишет философ, – не должен был бы закрывать нам глаза на тот факт, что подлинная онтология ментальных состояний является онтологией от первого лица» [5, с. 38]. Обратим внимание на то, что Серл говорит о ментальном в целом, а не о сознании в частности. Поскольку, с его точки зрения, бессознательное не является в подлинном смысле ментальным, все семантические преобразования информации осуществляются во взаимодействии сознания с «фоном» и «сетью» – понятиями, призванными, вероятно, облегчить сознанию задачу познания мира (ведь очевидно, что сфера ментального не сводится к тому, что мы осознаем). Необходимость обращения к таким понятиям продиктована, по-видимому, тем, что разуму по-прежнему нужно где-то хранить огромное количество семантической информации, накопленной им в прошлом. Ведь в мозге самом по себе значения не находятся. От понятия бессознательного как ментального Серл, в свою очередь, отказывается.

Ошибка, которую допускает Серл, состоит в том, что он приписывает позицию от первого лица всему ментальному, одновременно исключая из этой сферы бессознательное. При этом сознание, существующее от первого лица, становится необходимым и достаточным условием для осуществления семантических преобразований. Именно поэтому компьютер не обладает семантикой. Однако компьютер как творение человека всегда будет разительно отличаться от любых естественных систем: галактик, водопадов, морей и т.д. Даже если исчезнут все наблюдатели, поведение, реализуемое компьютером, в отличие от «поведения» природных тел будет иметь семантический характер. Ведь оно не будет объясняться совокупностью физических процессов, происходящих внутри устройства. Повторюсь: в отличие от урагана или камнепада компьютер создан

человеком, обладающим сознанием, а человеческое сознание оперирует значениями и способно запечатлеть эти значения в программном коде, передав их таким образом машине, сознанием не обладающей.

Итак, можно следующим образом ответить на приведенный выше вопрос о роли сознания в семантической обработке информации:

а) семантическая обработка информации может осуществляться без участия сознания;

б) отсутствие у компьютера феноменального опыта вовсе не означает отсутствие у него способности к семантической обработке информации;

в) однако если бы на свете не было сознания, не существовала бы и семантическая обработка информации.

Здесь возникает резонный вопрос: не противоречит ли пункт (а) пункту (в)? Как можно одновременно утверждать, что семантическая обработка информации и зависит, и не зависит от сознания? На самом деле противоречия здесь нет. В случае с компьютером, не обладающим феноменальным опытом, семантика возможна постольку, поскольку феноменальным опытом обладают разработчики этого устройства. Создавая программный код, программисты переносят необходимые критерии (по сути семантические) в машину, лишенную сознания. В простейшем виде это может выглядеть так: «если f , делай a », «если q , делай b » и т.д.

Вышеупомянутое недоразумение, таким образом, разрешено. Поклонники сильной версии искусственного интеллекта могут вздохнуть с облегчением: искусственный интеллект действительно может осуществлять осмысленное поведение и может понимать, что происходит вокруг него, поскольку он оперирует не только синтаксисом, но и семантикой, вложенной в него разработчиками. Сторонникам нередуцируемости сознания, в свою очередь, также не о чем беспокоиться. Ведь компьютер осуществляет осмысленное поведение, не обладая при этом сознанием. Поэтому способность компьютера осуществлять осмысленное поведение не может быть рассмотрена как свидетельство редуцируемости феноменального опыта к функциональным системам.

Но вернемся к разумной деятельности. Существование семантической обработки информации, не зависящей от феноменального опыта, безусловно, возможно. Наш когнитивный аппарат ежесекундно занят такого рода обработкой, и это позволяет нам осознавать мир. Что же касается приведенного выше утверждения Серла о том, что онтология ментального это нередуктивная онтология от первого лица, то здесь, как мне кажется, философ допускает ошибку. Не все ментальное существует от первого лица. Неосознаваемые когнитивные операции, протекающие до, во время и после осознания (протекающего от первого лица) сами, тем не менее не осознаются. При этом они довольно успешно описываются психологами-экспериментаторами с позиции от третьего лица.

Вместе с тем эти операции являются ментальными, а не нейрофизиологическими процессами. Ведь на уровне мозга нет семантических преобразований, там есть только электрические импульсы, циркулирующие по нейронным сетям. Допустим, в эксперименте по изучению неосознаваемой обработки информации испытуемому на считанные доли секунды (т.е. на время, недостаточное для того, чтобы он что-либо заметил) предъявляют слово «яблоко». Затем фиксируют изменение в скорости реакции на слова, обозначающие другие фрукты. На этот раз слова предъявляются в течение времени, достаточного для их осознанного прочтения. Далее проводится статистический анализ полученных данных, и выясняется, что слово «яблоко», предъявляемое на допороговом уровне, закономерным образом влияет на скорость узнавания слов, категориально близких к нему. Процессы активации «фруктовых» семантических полей, запускаемые словом «яблоко», не могут находиться в мозге. Ведь они не являются нейронами и их взаимодействиями. Но эти процессы также не могут быть отнесены к сфере сознания, поскольку они не осознаются испытуемым. Иными словами, бессознательное ментально, хотя и неосознаваемо.

В то же время Серл абсолютно прав, когда говорит о том, что нередуктивной онтологией от первого лица обладает *сознание*. Быть в сознании, осознавать мир – это не значит испытывать иллюзию. Напротив, это означает переживать самый что ни на есть реальный опыт, явившийся, как предполагается, одним из ключевых факторов развития жизни на Земле.

К этому предположению мы еще вернемся. Здесь же хотелось бы скорректировать рассмотренный выше тезис Серла о том, что

ментальное обладает онтологией от первого лица и привести его к следующему виду:

а) ментальное состоит из сознания и неосознаваемых когнитивных процессов;

б) онтология сознания является нередуцируемой онтологией от первого лица;

в) онтология неосознаваемых процессов является нередуцируемой (ни к сознанию, ни к мозгу) онтологией от третьего лица;

г) сознание и неосознаваемые когнитивные процессы генетически и функционально обуславливают друг друга, образуя целостную деятельность разума.

Момент 2. Теоретический уровень описания сознания включает в себя позицию от первого лица

Несмотря на то что онтология сознания от первого лица обсуждается выше, нужно отдельно остановиться на вопросе о том, допустимо ли с научной точки зрения рассматривать феноменальный опыт как переживаемый изнутри. Для многих авторов специфическая перспективность феноменального опыта является своеобразным водоразделом, отделяющим научное исследование сознания от ненаучных спекуляций. В общем виде этот водораздел может быть выражен следующим образом: «чтобы познать предмет психологии, нельзя ограничиться тем обширным кругом явлений, которые знакомы каждому из собственных переживаний и наблюдений за окружающими, из своего психологического опыта» [7]. Популярность этого в целом верного тезиса, по всей видимости, обусловлена тем, что интроспекционизм, взявший на вооружение самонаблюдение и пытавшийся дать исчерпывающее объяснение сознанию исходя из осознаваемого опыта, как известно, потерпел неудачу.

Некоторые ведущие исследователи в области изучения сознания, настаивающие на несводимости ментального к мозговой активности или чему-либо еще, также придерживаются этого взгляда. Сознание как эмпирический феномен противопоставляется чему-то, что в сознании не дано, но определяет его. При этом подразумевается, что такое противопоставление позволяет выйти на теоретический уровень описания: «Природа сознания может быть описана только в теоретических построениях. Сознание как эмпирический

термин отражает эмпирическое явление – явление осознанности, факт представленности человеку картины мира, ее непосредственной данности, самоочевидности. Но эмпирическое описание не может содержать в себе объяснения самого явления» [3, с. 20]; «переживание непосредственной очевидности некоторого события здесь-и-сейчас» «является родовым эмпирическим понятием» для таких понятий, как «ощущение», «восприятие», «представление», «образ», «мышление» или «решение задач», «действие», «эмоции», «чувства», «телесное Я» [1, с. 26].

Вся критика в адрес так называемой «народной психологии» [9] построена по той же логике, которую можно сформулировать следующим образом. Мы воспринимаем мир, и до определенного момента нам кажется, что структура и функционирование разума могут быть выведены из того, что мы осознаем (Декарт, Вундт). Однако с развитием науки становится очевидно, что сознание определяется чем-то лежащим за его пределами (бессознательным, мозгом и др.). В то же время, примеры из истории других наук (например, опровержение иллюзии вращения Солнца вокруг Земли в астрономии или отказ от понятия флогистона в физике) наводят на мысль о том, что прежняя картина мира, в которой феноменальный опыт являлся чем-то самостоятельным в онтологическом плане, была наивной, донаучной.

Таким образом, можно выделить следующие основания тезиса о том, что эмпирическое понятие феноменального опыта должно быть описано при помощи неэмпирических (теоретических) терминов:

- а) историческая неудача интроспекционизма, сводившего ментальное к феноменальному опыту;
- б) примеры построения теорий в других науках, «превратившие» в явления то, что ранее считалось сущностью;
- в) открытия в области нейронауки и психологии, экспериментально демонстрирующие, что феноменальный опыт детерминирован чем-то лежащим за его пределами.

Эти основания тем не менее представляются неубедительными. Рассмотрим их подробнее.

Основание (а). Из того, что интроспекционизм потерпел неудачу, не следует, что сознание исчерпывающим образом определя-

ется чем-то лежащим за его пределами. Ошибка интроспекционизма заключалась не в изучении сознания от первого лица, а в отождествлении ментального с сознанием и, как следствие, в ложном допущении, что причины феноменального опыта всецело находятся в нем самом. Аналогичная ситуация складывается и с картезианством в рамках философии сознания. Из того, что Декарт, опираясь на сознание от первого лица, построил ошибочную концепцию ментального, не следует, что специфическая перспективность феноменального опыта может быть исчерпывающим образом описана в терминах от третьего лица.

Основание (б). Примеры из других наук сами по себе не являются аргументом в пользу того, что феноменальный опыт – это не более чем явление, доступное наивному наблюдателю. Такие примеры могут вдохновить исследователей, работающих в области когнитивной науки, на построение тех или иных концепций, однако сами по себе они ничего не доказывают и не опровергают. Что касается классической иллюстрации тезиса о наивном характере феноменального опыта с использованием примера иллюзии вращения Солнца вокруг Земли, то здесь нужно быть еще осторожнее. Ведь иллюзией здесь является не само сознание, а движение небесного тела, наблюдаемое сознанием. То есть приведение данного факта в качестве примера иллюзорности или наивности феноменального опыта может попросту вводить в заблуждение. Мы можем испытывать иллюзию относительно того, что Солнце вращается вокруг Земли, однако сам опыт, переживаемый нами при этом, иллюзией не является.

Основание (в). Эмпирические данные, демонстрирующие детерминацию сознания нейрофизиологией мозга или неосознаваемыми когнитивными процессами, не противоречат тезису о том, что то, что делает сознание сознанием, находится в нем самом. Разумная деятельность индивида, наделенного психикой, представляет собой целостный процесс, в котором мозг как орган слит воедино со своей основной функцией – познанием. Было бы, напротив, странным предположить, что сознание не связано каузально ни с мозгом, ни с неосознаваемыми ментальными процессами. Сам факт детерминации сознания, скажем, мозгом еще не говорит о том, что специфическая онтология сознания сводима к мозговым процессам. Это означает лишь то, что мозг является необходимым условием существования сознания, но не более того.

Что касается линии аргументации против «народной» психологии, то здесь важно не путать термины, связанные с той или иной традицией, обусловленные самим фактом существования сознания. Ведь очевидно, что последнее существовало на Земле задолго до всякой традиции, языка, а также самого человека. Мы можем ошибаться или испытывать иллюзии относительно того, *что* видим, но мы не можем испытывать иллюзии относительно того, что *видим*.

Теперь рассмотрим вкратце другую классическую линию переосмысления обыденного феноменального опыта, а именно гуссерлианское противопоставление трансцендентального Я эмпирическому Я. Согласно Э. Гуссерлю, трансцендентальное Я представляет собой некое чистое смысловое основание, на котором выстраивается эмпирическое Я, осознающее мир [4, с. 85]. Эмпирическое Я в обыденной жизни пребывает в «естественной установке» и воспринимает окружающую его действительность как нечто реальное и несомненное, т.е. стоит на позиции «наивного объективизма» [4, с. 53].

По Гуссерлю, преодолеть эту наивную точку зрения позволяет основное орудие трансцендентальной феноменологии – феноменологическая редукция (или эпохэ), понимаемая как намеренное «вынесение мира за скобки» и лишение его значимости, с тем чтобы критически пересмотреть привычный нам опыт и прийти к искомому чистому Я, характеризующемуся аподиктической очевидностью [4, с. 77]. Таким образом может быть построена «трансцендентальная эгология» как наука о субъективности, предметом которой является трансцендентальное его, понимаемое как первичное основание для возникновения всякого опыта [4, с. 91–92].

Кроме того, и это, по всей видимости, является принципиальным моментом в трансцендентальной феноменологии, трансцендентальные основания эмпирического сознания, или принципы организации опыта, могут быть доступны эмпирическому субъекту. Они в скрытом виде содержатся в самом осознаваемом предмете [4, с. 127] и могут быть выявлены при помощи последовательного проведения эпохэ [4, с. 126].

Следует отметить, что основной тезис Гуссерля о том, что за обыденным опытом стоит трансцендентальный субъект, структурирующий этот опыт, имеет некоторые существенные сходства с рассматриваемыми выше попытками выйти за пределы наивного опыта, для того чтобы найти его основания. В рассмотренных случаях

повседневный опыт полагается как нечто онтологически пассивное, претерпевающее воздействия чего-то другого: когнитивного бессознательного, мозга или трансцендентального субъекта. Конечно же, концепция Гуссерля отличается от других рассматриваемых концепций тем, что в рамках трансцендентальной феноменологии сознание при помощи эпохэ само может познать свою структурно-функциональную организацию, т.е. тем, что правила организации опыта могут быть переживаемы от первого лица.

Однако надо отметить, что тезис о том, что сознание может исчерпывающе познать само себя при помощи одних лишь методов феноменологии, является ошибочным. Действительно, определенные аспекты работы сознания (как и разума в целом) могут быть осознаваемы. Если же тем не менее допустить истинность гуссерлианского тезиса о возможности исчерпывающего познания сознанием самого себя, неясным остается, зачем такому сознанию вообще что-либо помимо самого себя. Сознание, которому доступны (потенциально) все нюансы его работы, попросту не нуждается в существовании мозга, бессознательного, языка и т.д. Рассматриваемая нами в данной статье целостная система «мозг – бессознательное – сознание – мир», таким образом, теряет смысл.

Кроме того, работы в области изучения когнитивного бессознательного убедительно показывают, что за переживаемым нами феноменальным опытом скрываются процессы, отличающиеся от него по самой своей сути. Они протекают с огромной скоростью, многочисленны, элементарны и неосознаваемы. Даже если допустить, что последовательное проведение эпохэ позволяет феноменологу осознать некие базовые принципы работы сознания, недоступные субъекту обыденного опыта, за этими феноменологически доступными глубинными принципами организации обыденного опыта должны стоять соответствующие неосознаваемые когнитивные операции, делающие возможным существование этих принципов. Область того, что человек может осознать, таким образом, должна где-то заканчиваться и обрамляться бессознательным.

Итак, ни сведение опыта, понимаемого как элемент наивной картины мира, к чему-то лежащему за его пределами и потому якобы являющемуся теоретическим уровнем его описания (сведение к бессознательному, мозгу и др.), ни поиски за его пределами чистого трансцендентального сознания не могут дать теоретического объяснения того, что же такое сознание. Но в таком случае мы оказыва-

меся в тупиковой ситуации. Ведь где же еще искать то, что делает сознание сознанием, кроме как за его пределами либо в нем самом, очищенном от обыденности?

Тем не менее выход из этого тупика существует. Он состоит в том, что то, что делает сознание сознанием, является... сознанием, причем сознанием самым что ни на есть наивным и обыденным. М.Г. Ярошевский, В.М. Аллахвердов, П. Черчленд, Э. Гуссерль и другие авторы совершенно правы в том, что для объяснения феноменального опыта необходимо выйти на теоретический уровень и не принимать то, каким мы видим этот мир, за чистую монету. Но ведь выйти на теоретический уровень описания сознания не обязательно означает обратиться к чему-то, что сознанием не является. Можно рассматривать эмпирическое сознание как частный случай сознания вообще, полагая его одним из факторов развития высокоорганизованной жизни, и говорить, к примеру, о том, что совокупный феноменальный опыт, когда-либо существовавший на Земле, сыграл одну из ключевых ролей в становлении рептилий, рыб, птиц и млекопитающих. Современный человек с его такой наивной картиной мира мог вообще не появиться на нашей планете. Ведь в известном смысле к его появлению привел ряд счастливых случайностей, таких как вымирание динозавров, образование саванн в Африке и др. Причем отсутствие на Земле человека никак не повлияло бы на существование феноменального опыта как одного из свойств развитой жизни.

Подчеркну, что в данном случае опыт понимается именно в теоретическом смысле (с позиции биологического знания), а не с обыденной точки зрения. При этом сознание не выводится всецело из деятельности мозга или еще чего-то внешнего по отношению к нему. Во второй части я подробнее на этом остановлюсь.

Литература

1. Агафонов А.Ю. Бессознательные обертоны сознания // По обе стороны сознания: Экспериментальные исследования по когнитивной психологии / Под ред. А.Ю. Агафонов. – Самара: ИД «Бахрах-М», 2012.
2. Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). – СПб.: Печатный двор, 1993.

3. *Аллахвердов В.М., Агаронов А.Ю., Вишнякова Е.А.* Экспериментальная психология познания: Когнитивная логика сознательного и бессознательного. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006.
4. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. – СПб.: Наука, 2006.
5. *Серл Дж.* Открывая сознание заново / Пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002.
6. *Серл Дж.* Сознание, мозг и программы // Глаз разума / Сост. Д. Ходштадтер, Д. Денет. – Самара: ИД «Бахрах-М», 2003.
7. *Ярошевский М.Г.* История психологии от античности до середины XX века: Учеб. пособие. – М., 1996.
8. *Chalmers D.* Facing up to the problem of consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. – 1995. – No. 2(3) – P. 200–219.
9. *Churchland P.M.* Eliminative materialism and the prepositional attitudes // *Journal of Philosophy*. – 1981. – No78. – P. 67–90.
10. *Dennett D.* *Consciousness Explained*. – Boston: Little, Brown & C., 1991.
11. *Jackendoff R.S.* *Consciousness and the Computational Mind*. Fourth printing. The MIT Press, 1994.
12. *Nagel T.* What is it like to be a bat? // *The Philosophical Review*. – 1974. – No. 83 (4) – P. 435–450.

References

1. *Agafonov, A.Yu.* (2012). Bessoznatelnye obertony soznanya [Unconscious overtones of consciousness]. In: Agafonov, A.Yu. (Ed.). *Po obe storony soznaniya: Eksperimentalnye issledovaniya po kognitivnoy psikhologii* [On Either Side of Consciousness: Experimental Studies on Cognitive Psychology]. Samara, Bakhrahk-M Publ., 6–53.
2. *Allakhverdov, V.M.* (1993). *Opyt teoreticheskoy psikhologii (v zhanre nauchnoy revolyutsii)* [The Experiment in Theoretical Psychology (in the Genre of Scientific revolution)]. St. Petersburg, Pechatnyy Dvor Publ.
3. *Allakhverdov, V.M., A.Yu. Agafonov & E.A. Vishnyakova.* (2006). *Eksperimentalnaya psikhologiya poznaniya: kognitivnaya logika soznatel'nogo i bessoznatel'nogo* [Experimental Psychology of Knowledge: Cognitive Logic of the Conscious and the Unconscious]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ.
4. *Husserl, E.* (2006). *Kartezianskiye razmyshleniya* [Cartesian Meditation]. St. Petersburg, Nauka Publ. (In Russ.).
5. *Searle, J.* (2002). *Otkryvaya soznanie zanovo* [The Rediscovery of the Mind]. Transl. from English by A.F. Gryaznov. Moscow, Ideya-Press Publ. (In Russ.).
6. *Searle J.* (2003). *Soznaniye, mozg i programmy* [Minds, brains, and programs]. In: *Glaz razuma* [The Mind's I]. Samara, Bakhrahk-M Publ. (In Russ.).
7. *Yaroshevskiy, M.G.* (1996). *Istoriya psikhologii ot antichnosti do serediny XX veka: Ucheb. posobie* [The History of Psychology from Antiquity to the Middle of 20th Century: Manual]. Moscow.
8. *Chalmers, D.* (1995). Facing up to the problem of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*, 2 (3), 200–219.

-
9. Churchland, P.M. (1981). Eliminative materialism and the propositional attitudes. *Journal of Philosophy*, 78, 67–90.
10. Dennett, D. (1991). *Consciousness Explained*. Boston, Little, Brown & Company.
11. Jackendoff, R.S. (1994). *Consciousness and the Computational Mind*. Cambridge, MA, The MIT Press.
12. Nagel, T. (1974). What is it like to be a bat? *The Philosophical Review*, 83 (4), 435–450.

Информация об авторе

Силантьев Валерий.Иванович– Институт философии и права СО РАН (630090, г. Новосибирск, ул. Николаева 8), Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск, ул. Пирогова, e-mail: vsilantev@gmail.com)

Information about the autor

Silantev Valeriy Ivanovitch. – Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: vsilantev@gmail.com)

Дата поступления 22.01.2019